

Ш.Г. Шаулов

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

(из архивных эпизодов ветерана)

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Израиль 2002 год.

Ш.Г.Шаулов

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

(из архивных эпизодов ветерана)

ПРОДОЛЖЕНИЕ

*Все эпизоды написаны в конце 40-х годов
на основании памятного блокнота
который я заполнил за 4 года войны.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Живет человек на Белом свете и значит это то, что он постоянно находится в движении, всегда подвижный.

Жизнь человека заключается в ее разнообразии, и в какой-то степени в пользе, которую он приносит обществу, тем людям, среди которых живет, а, прежде всего - для своей Родины.

Автор

Ш.Г. Шауров

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Шаулов Шаул Гаврилович родился 18-го апреля 1918 года в поселке еврейской Слободы (ныне - Красная Слобода) Кубинского района, Азербайджанской ССР, в семье мелкого торговца.

В 1937-м году получил среднее образование в городе Баку и поступил в Азербайджанский медицинский институт. В 1942-м году после окончания института, был мобилизован на фронт. Имея в руках диплом врача, прошел от города Бологое до Берлина, был в составе разных фронтов: Северо-западного, Ленинградского, Прибалтийского и, наконец, – I-го Украинского; прошел путь от врача батальона до командира сан.роты полка.

Шаулов в чине гв.капитана медицинской службы, с двумя боевыми орденами, демобилизовался 24-го июля 1946 года из города Таллинн. Он приехал в Азербайджан, в свою родную Красную Слободу, женился на своей возлюбленной, долгожданной обрученной девушке, по имени Тирсо, с которой он был обручен 7 лет. Они жили и сейчас живут в любви и согласии.

Восемь лет работал в своем районе хирургом в районной больнице.

В 1954-м году, по состоянию здоровья, Шаулов перешел на должность детского врача и 43 года работал педиатром.

Шаулов Ш.Г. имеет благодарности от Министерства здравоохранения СССР за снижение

детской смертности в районе. В то время, по совместительству, он был заместителем Главного врача района (1968-1971гг.)

В 1996 году Шаулов вместе с женой и детьми переехал на постоянное место жительства в Израиль. Сейчас живет в городе Тират Кармель. С этого времени является членом Комитета ветеранов войны.

С первых месяцев пребывания в Комитете ветеранов Шаулов активно проявляет себя, часто выступая перед ветеранами со своими воспоминаниями об эпизодах войны, а так же иногда и на медицинские темы.

С 1998-го года в Сохнуте (комитет социального обеспечения) Шаулов стал добровольцем. В его задачу входит посещение больных ветеранов у них дома, а порой и в больнице. Он делится с этими людьми своим душевным теплом, беседует с лечащими врачами.

Во время войны, на фронте, будучи военным врачом, Шаулов получил два ордена и ряд медалей. И в Израиле он получил три медали - две из них – израильские, одна – юбилейная – к 50-ти летию со дня создания Государства Израиль.

Шаулов, как и в бывшем Советском Союзе, здесь продолжает писать, он публикует свои произведения в различных изданиях – в «Новостях недели», в «Вестях», в журнале «Слово ветеранов войны», в недавно появившейся «Кавказской газете».

Вот передо мною два блокнота Шаулова, в которых эпизоды войны, записанные более полувека тому назад.

Будучи врачом, гуманистом, Шаулов не мог не реагировать на действия сотрудников КГБ, которые в военные годы находились во всех воинских частях.

В этих эпизодах описаны и трагические события (в основном, в первой книге «Особое поручение»): как спасли тыловые офицеры 17-ти летнего юношу, бежавшего с поля боя (он был добровольцем, потерял родителей); как расстреляли перед эшелоном (проезжая по Западной Украине) старшего из двух братьев, который, по пути, без разрешения, ушел к своим родителям; как в полночь генерал расстрелял своего невинного шофера.

В 2001 году Шаулов выпустил свою первую книгу «Особое поручение», в которую не вошли несколько эпизодов. Вторую книгу автор также назвал «Особое поручение», в нее вошли эти эпизоды. Эта вторая книга не менее интересна.

Во вторую книгу вошли три эпизода из первой книги: 1. «Особое поручение», полностью, без изменений; 2. «Из окружения, с ранеными...» 3. «День Победы, в более полном объеме».

**Председатель
Комитета ветеранов войны
города Тират Кармеля,
Кахновер Толиш.**

МАНЕВРЫ, ЭКЗАМЕН ПО ЛЫЖАМ

12 декабря 1942-го года состоялись лыжные маневры двух бригад, в сорока градусный мороз.

Один из батальонных врачей, по имени Шевцов, лежал в больнице.

Ради маневров меня послали в батальон его заменить. Тогда я занимал должность зам.глав. врача медсанбата.

В шесть часов утра выступили в поход. Шли на лыжах, тихим ходом, медленно. Вся бригада только на одной лыжне. Идти было ужасно тяжело, задыхались. Через каждый час приходилось делать десяти минутные перерывы. Наш батальон шел сзади всей колонны. Мы направлялись к Кременкулу, который находился в 35-ти км от нашего лагеря.

Подполковник, зам. командира бригады увидев меня, велел открыть вторую лыжню и идти наблюдать - нет ли солдат с обмороженными лицами, надо предупреждать их, что следует растираться снегом.

Я его понял, не смотря на все трудности, открыл вторую лыжню и стал заглядывать в лицо каждому бойцу. Я человек с юга, для меня все это было в первый раз, но приходилось терпеть.

До прихода в Кременкул, из своего батальона у семи бойцов я выявил обморожение и заставил их растереться снегом.

Под вечер вся бригада поднялась на самую

вершину Кременкуловских лесов. Оказалось, что другая бригада дошла раньше нас. Из далека в лесу были виды их костры. Наши солдаты тоже стали рубить деревья, и в лесу загорелось еще полсотни костров.

Снег в лесу лежал выше метра. Передвигаться без лыж было очень трудно. У командира нашего батальона был большой костер. Наш комбриг, легендарный генерал Белобородов совершал обход по батальонам. Дошла очередь и до нас, до нашего большого костра. Вызвали врача батальона. Я подошел и дрожу. Вижу стоит генерал у костра и греется. Как увидел меня начал спрашивать. Во-первых, почему я, военный врач здесь, а не в медсанбате. Я ответил, что врач этого батальона заболел, и меня прислали его заменить.

- Военврач, сколько обмороженных бойцов в этом батальоне?
- 7 бойцов, - ответил я, - Я велел им растереться снегом.
- Хорошо, теперь можешь идти!

Комбат хмурился, я чувствовал, что мой ответ ему не по душе. Я должен был ответить, нарочно, что случаев обморожения в нашем батальоне не было.

Белобородов действительно был с белой длинной бородой, а волосы и усы были черные. Было ему тогда 45 лет. В шестидесятых годах он командовал Московским областным военным округом, был в чине генерал-полковника.

Я еле-еле дошел до своего костра, снег таял, огонь дошел почти до земли. Военный фельдшер сибиряк Дудин лежал на боку, ничем даже не укрывшись (без шинели) и храпел. Все остальные и я так и дрожали до утра.

В 5 часов начались маневры двух бригад. Сан.взвод батальона сделал себе шалаш и принимал «раненых».

К вечеру не пообедав, мы выступили в обратный путь. В то же время во всех походных кухнях обед был готов. Но хорошо, что мы не поели. В пути захотелось бы спать. Генералы приказали не кормить личный состав. Это один из военной тактики.

Обратный путь был еще тяжелее, метель, пурга. Только к часу ночи дошли до Шершни, чуть ли не все обморозились. А медсанбат раньше нас на машинах добрался до лагеря. Санитары медсанбата вышли меня встречать. Они завели меня в свой длинный блиндаж. Хлеб и свинину на моих глазах пилили пилой. Пожарили свинину и дали мне есть в полночь, я ел почти спя. Уснул и проспал в этом блиндаже до 18-ти часов вечера уже следующего дня.

Через неделю начались экзамены по лыжам. В ясный солнечный день расстояние до Челябинска и вокруг него- 16 км я пробежал на лыжах за 1 час и 5 минут. Получил оценку хорошо (4). Истинная быль.

ОЗЕРО КРЕМЕНКУЛ

За три осенних месяца 1942-го года дважды проходили маневры двух лыжных бригад, в 35-ти км от Челябинска, в районе села Кременкул.

Врач одного из батальонов Шевцов лежал в госпитале. В нашем медико-санитарном батальоне бригады было 16 врачей, из них только двое были мужчинами (я и главный врач МСБ Гордиенко). Поэтому вместо Шевцова во вторых маневрах участвовал я, как врач лыжного батальона.

Маневры проводились во время сильных морозов, было ниже тридцати градусов.

Во время маневров я заходил в штаб тыла нашей бригады, чтобы немного погреться. Один из охранников штаба, с винтовкой в руке, подошел ко мне поближе и сказал: «Шаулов, я Вас знаю». Сказал и тут же вернулся на свое место.

Во-первых, я очень удивился, а во-вторых, обрадовался тому, что в нашей бригаде у меня есть земляк, парень из родного села. После женитьбы он остался в Махачкале. Звали парня Якубов Нисим. Я дал слово, что под каким-нибудь предлогом приеду к нему на несколько дней.

После маневров мы вернулись на лыжах к себе, в Шершни (в 6-ти км от Челябинска).

-Товарищ Гордиенко, - обращаюсь к командиру нашего МСБ-та, - я Ваш заместитель, согласно направлению с Уральского Военного округа города Свердловский. Мое звание – военврач 3-го ранга.

На воротнике моей гимнастерки была нашита одна «шпала». Погоны я получил в конце 1943-го года.

-Товарищ Гордиенко, в штабе нашего тыла офицеры жалуются на состояние здоровья, требуют зубного врача. Может быть, мне поехать и захватить зубного врача?

Зубным врачом была вольнонаемная молодая женщина, невысокого роста из Челябинска.

Он согласился. Пошли в штаб бригады и оформили документы. Наняли для нас ездового Сашку и, простояв всю дорогу мы приехали, в Кременкул. Зашли в штаб тыла, чтобы нам выделили комнату на 10 дней. Оказалось, что наш нач.сандив (начальник медико-санитарной службы нашей бригады) доктор Дектеров Геннадий Иванович тоже находился там. Это был красивый человек с золотым характером.

Летом 1945-го года находясь в Венгрии в городе Сегед, мы случайно встретились, спустя 3,5 года, в одном из ресторанов. Я был с внучкой моей квартирной хозяйки, а он с дочкой своей. Утром мы вместе сфотографировались.

Кстати, после войны нашим офицерам разрешали размещаться на частных квартирах в самой Германии.

Своего старшего сына я назвал Геннадием, в честь нашего нач.сандива.

Нач.сандив взял меня и зубного врача, чтобы найти для нас дом поближе. У зубного врача была

медицинская сумка. Ее сразу пустили в дом, а меня не пускали. Я был «черненький», да еще усатый, боялись, говорили: «Он, наверное, с Кавказа. Нет, нет, боимся». Нач.сандив уверял, что я человек культурный, врач, хорошо владею русским языком, что меня не надо бояться. Мы прошли по четырем домам и везде отказали. После демонстрации фильма «Свинарка и пастух» у сибиряков, почему-то возникла некоторая неприязнь к выходцам с Кавказа.

Но все же одна женщина, которая жила около озера, пустила меня. Она жила одна с восьмилетним сыном.

Каждый день я должен был приходить на кухню штаба, чтобы «снять пробу» (этот обычай продолжался войну).

Мы с зубным врачом осматривали офицеров тыловых частей, ходили на лыжах проверять личный состав нашей бригады. В свободное время в сельской амбулатории принимали больных вместе с фельдшером.

С Нисимом из охраны штаба встречались лишь по вечерам в Доме колхозника. По вечерам там собиралась молодежь: пели песни, играли на гармошке. Угощали нас салом, картошкой, пивом. Я в жизни не ел сала.

Спустя два дня в доме появилась девочка лет 16, по имени Таня. Я спросил у хозяйки, кто она. Удивившись, она ответила, что это ее дочка.

- Где же она была эти два дня? - спросил я.

- Доктор, извини. Она тоже тебя испугалась, была у соседки.

На второй день хозяйка, взяв два мешка картошки, поехала в Челябинск, менять их на муку. Двоих детей она оставила на моем попечении. Я чувствовал ответственность. Больше времени стал проводить дома. Через два дня она вернулась и привезла ячменную муку, грибы. Я тоже, по возможности, приносил с кухни сахар и хлеб.

Хозяйская дочка скоро ко мне привыкла. Она не пускала меня к другим офицерам, в амбулаторию с зубным врачом, даже к Нисиму, моему земляку.

На следующий раз хозяйка взяла с собой сына, продать кое-какие домашние вещи. Целых три дня я был дома вместе с Танюшей. Она закрыла калитку во дворе и не выпускала меня. Говорила, что боится оставаться одна дома.

- Что, я тебя караулить буду? Иди к своим подругам или соседям, - сказал я. - Хватит мне уже играть с тобой в карты или во дворе в снежки.

Село было большое. Десятки парней 1924-го года рождения готовились отправиться на фронт. В тот день в этом доме должны были быть проводы. В ход пошла гармошка, начались танцы. Я танцевать не умею, просто сидел и любовался. Было очень приятно, но неожиданно - я в Сибири, среди молодежи. Когда все разошлись, я похвалил Танюшу. А она мне говорит: "Доктор, все эти девчата и мальчики завтра утром идут кататься по льду на озере, в последний раз. Если хочешь,

пойдем с нами». Я согласился.

Ровно в 10 утра собралась вся вчерашняя кампания. Я тоже одел коньки, и мы пошли на озеро. Оно было рядом. Я плохо умел кататься. Именно девушки держали меня за руки. Мы катались более двух часов. Это был один из незабываемых дней в моей жизни. Я пожал руки всем парням и пожелал целыми и невредимыми вернуться с фронта. И они пожелали мне живым и здоровым вернуться с фронта.

На следующий день из Челябинска вернулась моя хозяйка с сыном. Я похвалил перед ней Танюшу. Хозяйка меня поцеловала.

Срок нашей командировки подходил к концу. Вместе с зубным врачом я в последний раз катался на лыжах. Стали прощаться с солдатами нашей бригады, которые жили в землянках.

На следующий день надо было прощаться. Танюша плакала. Обнялись, поцеловались. Хозяйка пожелала мне доброго пути, благополучного возвращения живым и здоровым домой, к моей возлюбленной. С фронта я дважды отправлял им письма, и они мне отвечали.

Зубной врач осталась еще на два дня, у нее была работа.

Денек выдался ясный, солнечный, было 10-15 градусов мороза. Я попрощался с Нисимом, со всеми офицерами штаба тыла. Офицеры подобрали мне подходящие по росту беговые лыжи.

Я второй раз в жизни стоял на лыжах, взял курс

прямо на Шершни, предстояло пройти 35 километров. Я побежал по дороге в сосновом лесу «полным» ходом. Встречались мне шакалы, олени и очень много было зайцев. Я добрался до Шершни чача за три. Прибыл под вечер и напрямиком направился в медсанбат.

Командир медсанбата тут же вручил мне письменный приказ отправляться в какое-то село, километров в пятнадцати от Челябинска. Надо было забрать вольнонаемную - старшего фельдшера больницы, которая временно поступила к нам. Командир дал мне адрес тети, по которому проживала эта красавица Оля. Я должен был немедленно ее доставить. Мне не было сказано, почему такая срочность.

Я отказался, потому что очень устал. С дороги, все же прошел на лыжах 35 километров. Я не соглашался, сказал, что могу сделать это утром. Гордиенко продолжал уверять меня в важности этого поручения. «Кроме тебя и меня, мужчин среди врачей нет, - говорил он, - пойми меня правильно, Шаулов, давай езжай». Я согласился. А он спрашивает: «А верхом, ты, хорошо едешь?» Я ответил, что хорошо. Оседлали мне лошадь. Сам старшина выбрал для меня хорошее седло, показал дорогу. Давай выступай!

Я помчался во весь опор. К девяти вечера добрался. Час посидел в доме. Тетя фельдшера Оли очень хорошо меня приняла, угостила и попросила остаться, сказав, что мы можем поехать и утром, на

заре. Я не согласился, сказал, что приказано вернуться к ночи. Лошадь ждет во дворе.

Около десяти вечера я посадил красавицу Олю на лошади, позади себя и направился в сторону Шершни. Всю дорогу Оля крепко обнимала меня.

Я спросил ее о том, почему она ушла без разрешения. Оля ответила, что осознает свою вину, но быстро решила поменять тему разговора. Она попросила, что бы я рассказал ей о маневрах, при сорока градусах мороза, расспрашивала о поездке с зубным врачом в Кременкул. Я рассказывал. Оля очень удивилась, когда я сказал, что за три часа прошел на лыжах 35 километров. Потом я вспоминал о том, как меня в четырех домах не хотели пускать ночевать, она рассмеялась: «Они просто глупые женщины, те, которые не хотели Вас пускать. Да, верно, мы уважаем кавказцев, они настоящие мужчины, джигиты. А как, Вы, дорогой доктор, могли выдержать эти маневры при сорока градусном морозе? А сегодня еще пробежали на лыжах 35 километров. Вы же с Кавказа, не привыкли!»

Так приятно мы беседовали с Олей. Часам к 12-ти ночи мы явились в медсанбат. Слезли с лошади.

А уже через неделю выехали на фронт.

Спустя два года, во время передислокации, в одном длинном переходе я встретился с Нисимом, он был адъютантом комбата. Мы очень были рады: слезы, смех. Вторично я увидел его спустя двадцать лет уже в Азербайджане, в родном городе Кубе.

Август 1945-го года. Неожиданная встреча двух друзей, двух врачей.

Справа - бывший начальник санитарной дивизии лыжной бригады Геннадий Дектерев.

Слева – бывший зам. командира медсанбата Шаулов.

Венгрия, город Сегед.

ВЗЫСКАНИЕ ЗА ОБОЖЕННЫХ

Северо - Западный фронт – СЗФ

Прежде чем мне попасть в штаб 68-ой армии, я обратился в штаб фронта, который находился в городе Валдай. Меня хотели направить врачом саперного батальона, который занимался восстановлением разрушенных мостов. Я отказался. Мне дали направление в штаб 68-ой армии, который находился в Едрове.

Дорога туда была длинная. Надо было пройти Романовку (оттуда, наверное, происходила семья Романовых), Васильевшину и Новосели. Я добирался на попутных автобусах, на маленьких поездах, большую часть приходилось идти пешком. Эта дорога заняла четыре дня. Все это время я буквально голодал, потому что продовольственный аттестат мне выдали не по форме, он был написан от руки, хотя и был с печатью. Куда бы я ни заходил, на длинные громадные склады с продуктами, мне везде отказывали выдать мне паек. Сколько я объяснял, что я не виноват, сколько просил, ничего не помогало. Мне бесчувственно везде отказывали. Я почти обессилел.

Прибыв в штаб армии 12 апреля 1943-го года, я получил назначение на должность младшего врача 989-го гаубицкого артиллерийского полка.

Старшим врачом полка оказался мой однокурсник Тельнов. Санитар Сафаров Алекпер был моим земляком, родом из Евлаха. Долгие годы

он был личным парикмахером Первого секретаря ЦК компартии Азербайджана М.Д. Багирова. Был выслан на четыре года на Камчатку, как «враг народа», ему было 50 лет. Он жаловался мне, что Тельнов не обращает на него внимания. Я дважды направлял его в госпиталь, лечил его, он поправился.

Наша сан.рота во время боев принимала раненных даже из соседних полков. Располагалась она в пяти километрах от передовой, в тылу, между большими сопками. Даже в дни обороны принимали раненных из своего полка.

В дни обороны в большой палатке размещались раненные нашего полка. У меня всегда была связь с госпиталями. Фельдшеры и санитары организовывали дез.обработку. В лесу мы собирали шиповник и разные другие ягоды, в болотистых местах собирали березовый сок, сладкий, как мед давали больным и ели сами.

Однажды после длительных дождей командир батареи, старший лейтенант приказал бойцам сушить мешки из-под пороха около костра. Случился пожар. 13 бойцов получили ожоги первой и второй степени, в основном обожгли лица, руки, шею.

Медсестра передового пункта оказала первую помощь. Наложила всем стерильные повязки. И позвонила нам.

Я тут же, взяв санитаря Алекпера, поднялся на сопку, оказать помощь обожженным.

Мы, двое врачей до утра занимались пострадавшими, обожженными бойцами. Утром решили отправить их в наш тыловой госпиталь, который располагался в 18-ти километрах в селе Ануфриево. Там, в большом длинном блиндаже наблюдал и лечил легко раненных и «хроников», по нашим назначениям, военный фельдшер Васильев.

Утром, без сопровождающего, так решили мы - двое врачей, отправили раненных на автобусе к Васильеву.

Вдруг, неожиданно появился замполит полка майор Решетников.

- Военврач, что Вы сделали с обожженными солдатами? - спросил он.

- После обработки всех отправили к Васильеву, в Ануфриево,- ответил я.

- Дали сопровождающего? - последовал вопрос.

- Нет. Так как ввиду их состояния здоровья не сочли нужным.

- Кто это решил, - продолжал майор.

- Я так решил, у них хорошее состояние.

Не смотря на то, что Решетников достаточно меня уважал, он назначил мне восемь суток домашнего ареста. Кроме того, я должен был сейчас же направляться туда, чтобы узнать о состоянии пострадавших. И добавил, чтобы я сразу ему доложил, когда вернусь, даже ночью.

- Есть, товарищ майор, будет сделано, - ответил я.

Возле нас стояли фельдшер Казаков и красавица нашей сан.роты москвичка, заведующая аптекой Таня. Она стала плакать, а Казаков начал просить разрешения пойти вместе со мной- 18 километров, боялся, что один я заблужусь. Но майор отказал и велел идти одному. Таня дала мне свой плащ. Казаков отдал свой пистолет. Теперь у меня стало два пистолета. В пять часов вечера я направился в сторону леса. В это время старший врач находился на передовой.

Я двигался через лес, по следам наших автомашин, но часто эти следы терялись. Шел, часто падая, в сплошном тумане. Из-за тумана мне даже показалось, что вдали я вижу какого-то человека. Я сразу схватился за оба пистолета.

Была белая ночь. Пройдя через лес километров 12, затем я вышел на грунтовую дорогу, грязи было по колено. Оставалось идти еще 6 километров. Мне хотелось отдохнуть, потому что я сильно устал. Присел на небольшой пенек и тут же уснул.

Мне приснилось, что я в Кубе, в своем районе и проходим мы войсками по той улице, на которой живет моя невеста Тирсо. Я вышел из строя и подошел к ее окну. Я постучал, она открыла окно, увидела меня и очень обрадовалась, побежала открывать ворота, и тут я проснулся...

Часам к десяти вечера я зашел в блиндаж, наши раненные забеспокоились. Стали спрашивать, зачем я пришел. Сказал им, что просто так, хотел навестить. Никто не жаловался. Все было в порядке.

Я, по секрету, рассказал все военфельдшеру и он стал настаивать, чтобы я остался до утра. Я не хотел соглашаться, тогда он угостил меня офицерским доп.пайком (два раза в месяц офицеры получали: 400 граммов сливочного масла, два банки японских консервов, печенье, папиросы «Беломорканал»).

Часам к двенадцати я собрался в обратный путь. Мне выделили сопровождающего с карабином. Это был санитар Коротков.

К пяти часам утра мы дошли до сан.роты. Я очень устал, ноги просто не шли, сильно клонило ко сну. Огляделся я вокруг – до чего красиво, природа удивительная! Светло, солнце только-только встает, свистят воробьи, усевшись на зеленых ветвях деревьев.

Адъютанта майора, который сидел за палаткой и играл на гармошке, увидев меня, пошел будить своего начальника. Тот вышел ко мне, улыбаясь, в одной майке. Я доложил, что с ранеными бойцами все в порядке. Он начал смеяться:

-Ну, упрямый кавказец, почему чужую вину на себя взял? Когда обоженных отправляли с тобой был старший врач. Это он должен был решать, а не ты. Его вину ты на себя взял.

-Во-первых, мы друзья - одноклассники сказал я, - а во-вторых, мы - азербайджанцы никогда друга не предаем. Поэтому вину я взял на себя. Тем более что вопрос решен, а виноваты мы оба.

Он похлопал меня по левому плечу и со смехом

сказал, чтобы я шел спать, никаких арестов не будет.

Пришел я к своим, фельдшеры, санитары бросились меня обнимать, целовать. Танюша плакала, да и Алекпер тоже.

Проспал я до пяти часов вечера. Проснулся и вижу, что Таня сидит возле меня в узком, темном блиндаже и плачет. Очень ей хотелось, чтобы я на ней женился. Знала Таня, что я регулярно получаю письма и фотографии от моей невесты Тирсо, наверное, поэтому и не настаивала. Мне тоже удалось выдержать эти четыре года и никому не поддаться.

НЕУДАЧА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ «ЯЗЫКА»

Северо – Западный фронт (СЗФ) начало июля 1943 года. Я все еще в 989-м гаубичном полку.

Из штаба фронта получили приказ. Именно гаубичный – артиллерийский полк, по этому приказу, должен взять «языка», так как немцы проводили передислокацию.

Попытка наших разведчиков окончилась неудачей. Из штаба продолжали настаивать, надо было знать силы противников.

Из штаба фронта приехал специалист – химик. Он старался убедить нашего командира полка подполковника Самуила Леонова (российского еврея), бывшего главного инженера одного из крупнейших заводов Ленинграда, в преимуществах нового метода. Он предлагал поехать вместе на передовую, там он собирался пустить дым на большое расстояние, а за этой дымовой завесой могут пойти разведчики. Он уверял, что так мы добьемся положительных результатов. Командир полка согласился.

На этот раз он взял меня с собой, а старшему врачу Тельнову приказал оставаться в палатке, рядом с больными.

Командир полка, его адъютант, химик, радист и я сели на машину и поехали на передовую. Там нас уже ждали разведчики.

Все кроме химика зашли в один блиндаж и оказались перед лицом врагов. Метрах в трех от

блиндажа стояла маленькая водокачка.

Химик пустил дым. Мы наблюдали. За дымовой завесой выступили вперед разведчики. Но операция не удалась. Немцы схватили одного из разведчиков.

От минометных взрывов между нашим блиндажом и водокачкой образовалась большая воронка. Вода заливала наш блиндаж, вскоре она стала доходить нам почти до колен. Мы оказались в воде.

Командир полка срочно направил своего адъютанта в тыл, к заместителю, чтобы тот помог нам выбраться. Тоже он тихим голосом передал по телефону.

Мы не могли выйти из блиндажа. Дым рассеялся, мы у врага, как на ладони. Химик и разведчики заняли оборону. Телефон мы держим в руках, устав мы передаем его друг другу, по очереди. Вода уже выше колен. Почти половину суток мы находимся в воде. Ждем наступления темноты. Кашлянуть и то опасно.

К вечеру, под покровом темноты к нам приехал зам. командира полка. Автоматчики с химиком атаковали врага.

Нам удалось выбраться из блиндажа, сесть в машину и скрыться. К себе мы вернулись, дрожа от холода.

По приказу из штаба фронта этим же вечером к нам прибыли четыре «катюши» и новое пополнение. Мы обстреляли врага из «катюш». Новое

пополнение заменило наших «передовиков». Интересно, что всегда после атаки «катюши» меняют место расположение, чтобы немецкие «андрюши» не смогли им ответить. Мы перебазировались севернее. По штатному расписанию я должен был покинуть полк. Попрощался со всеми и даже с командиром.

Я переехал в состав 127-ой стрелковой дивизии, под Старую Русу.

В первой книге читайте «Хозяин неизвестного голоса».

СЛУЧАЙ НА МОСТУ

Северо – Западный фронт, март 1943 года. Я занимал должность зам. командира МСБ-та лыжной бригады, в районе Залучия.

Стояли сильные морозы. Мы успешно продвигались вперед. И наш МСБ не отставал от действующей дивизии. Не доходя до села Васильевщины немцы разрушили, мост через глубокую реку с сильным течением. Пришлось ждать двое суток, пока наши саперы восстанавливали мост. Было видно, что за рекой горят все дома. Значит, немцы покинули село.

За двое суток набралось около 200 повозок и сотня автомашин. Ожидающие сильно волновались. Плюс сильнейший ветер, мороз, ждать не хватало терпения. Ноги даже в валенках с портянками мерзли, приходилось все время прыгать на месте.

Наконец, мост восстановили. Начали пропускать по очереди: сначала две повозки, затем автомашина. Движение на мосту регулировал майор с пистолетом в руках. Очередь нашего МСБ-та еще не дошла. Я направился к мосту, чтобы посмотреть. Как раз в это время по мосту должна была пройти автомашина. Но один ездовой поспешил подогнать свою повозку вне всякой очереди. Колеса застряли между досками. Майор стал кричать, выругался и выстрелил, прямо у меня на глазах. Человек упал в воду, прямо у края моста, сильное течение подхватило и понесло труп. Начался скандал между

командирами этого ездового и майором, они даже хотели застрелить его. Все движение остановилось на целый час. Майора заменили.

Вечером мы проходили по селу, все дома были сожжены дотла.

ГЕНЕРАЛ ЗАСТРЕЛИЛ В УПОР ШОФЕРА

Ноябрь, 1943 год, Северо – Западный фронт

В полночь вся дивизия движется на лыжах по одной линии в маскировочных халатах. С обеих сторон узкой дороги снег высотой до одного метра. Темная ночь. На небе ярко светят звезды. Над нами немецкие бомбардировщики. Мы в белых халатах, поэтому они нас не замечают.

Наша цель к утру войти в состав другого корпуса, который готовится к наступлению на Псков. Впереди едут машины с автоматчиками и разведчиками, а за ними генеральская машина. Повозки санитарной роты отстают от головы колонны на 30 метров.

Вдруг передняя машина остановилась. Я на лыжах подбежал посмотреть, что случилось.

Вижу, что шофер лежит на спине, на снегу под передними колесами машины. А мороз ужасный, видимо, он хочет что-то починить. Вокруг

собрались другие шоферы. Вдруг подошел генерал. Все решили, что он хочет помочь, сейчас позовет других водителей, всех мобилизует, чтобы быстрее выбраться... А он наоборот, даже не спросил в чем дело, достал свой пистолет из кобуры и выстрелил прямо в шофера, в упор на наших глазах.

Началась драка между генералом и офицерами: разведчиками и автоматчиками. Скандал, шум, крики, ругань.

Мертвого шофера убрали. Машину починили. Все испытывали ненависть к этому генералу.

Так мы задержались на час.

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Северо-западный фронт. Сентябрь 1943 год.

Недавно освобожден город Демьянск. Долгое время наши войска держали немецкую армию в окружении. Называлось это, битва "Демьянский котел". После освобождения города Демьянска, город лежал в развалинах, груды кирпича и церкви, как в Старой Руси и Великих Луках.

В близи города Демьянска был город Любинск, в котором располагался штаб тыла фронта.

Летом я служил младшим врачом гаубичного артиллерийского полка. Согласно новым штатам я попал в резерв фронта в город Валдай.

Однажды вечером наше общежитие посетил капитан из штаба фронта.

Всем резервистам - врачам велел построиться. Из строя вывел трех врачей (все были евреи). Капитан велел всем трем рано утром явиться в штаб тыла фронта в город Любинс к полковнику Заславскому - заместителю генерала, командующего тыловой частью фронта.

Утром 16 сентября 1943 года мы явились к полковнику. Он угостил нас чаем. Врачу Липману велел проверить полевые хлебопекарни (ПХП) 68-й армии во всех дивизиях и через три дня, явиться с актами с подписями генералов дивизий.

Андросову приказали проверить санитарное состояние в одной ударной армии и через три дня привезти акты проверки.

Получив командировки они уехали.

Мне полковник велел остаться и приказал ознакомиться с важным документом секретного характера затем расписаться.

Как оказалось, это был секретный документ за подписью И.В.Сталина. Документ был написан собственной рукой Сталина (чернилами). Я мог свободно писать. В документе указывалось, что ранее отданный приказ о порядке захоронения павших советских воинов и о восстановлении и приведении в порядок их могил у вас, выполняется неудовлетворительно. Далее предписывалось, при захоронении обязательно указывать фамилию, имя и отчество павшего воина. Обязательно указывать его домашний адрес. Меня очень поразило, внизу было написано "Искренне к Вам Ваш И.Сталин". И подпись.

После ознакомления с этим документом меня направили в одну из дивизий 34-й армии.

Полковнику надо было ехать в 34-ю армию. Попутно он взял меня на свой "Дойч". Командующий 34-й армией генерал-лейтенант, после рукопожатия с нами, угостил нас обедом.

После чего ко мне был прикреплен офицер в чине майора.

Приехали на станцию Бор. Вместе с нами и прикрепленной к нам ротой солдат мы объездили расположение полков и посетили два госпиталя.

В результате нашей поездке были срочно реставрированы десятки отдельных могил и несколько групповых захоронений. Разумеется на этот раз с соблюдением всех установленных правил.

Десятки отдельных могил были заново обустроены фамилиарно и с указанием домашнего адреса. Но многие братские могилы остались пока без фамилий. К концу третьего дня, я взял с собой акт за подписью генерала, где была описана вся моя проделанная работа и прибыл в город Любинск, отдал все документы т.Заславскому, кроме этого я устно все рассказал.

За выполнение этого особо секретного задания, я получил от полковника Заславского благодарность.

Он просил меня об этом задании ни кому не рассказывать. Потому, что это было особо секретное задание.

С РАНЕННЫМИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Ленинградский фронт.

Под Новгородом в декабре 1943 года я служил врачом стрелкового полка 282-ой Гвардейской стрелковой дивизии.

18 декабря меня вызвал начальник санитарной службы дивизии майор медицинской службы Степанов и сказал: "Для выполнения особого задания командование сформировало в нашем тылу отдельный лыжный батальон автоматчиков и ты, направляешься туда врачом».

Вечером я был уже в батальоне. Ранним утром весь личный состав в былых маскировочных халатах быстрым темпом начал двигаться из под Кузьмино вдоль озера Ильмень в сторону Новгорода. Тишина, хотя была сильная метель, и было очень морозно.

Вдруг тишину нарушили раскаты дальнобойных орудий врага. Все мы мгновенно прижались к земле. Лошади вместе с повозками разбежались в разные стороны. Шум нарастал. Стали слышны крики и стоны раненых бойцов. Двое убитых, 10 тяжело раненных и несколько раненных легко. До передовой было еще далеко. Из головного отряда передали, чтобы военврач немедленно начал госпитализировать тяжело раненных, куда угодно, а потом, чтобы возвращался на поле боя.

Продолжали двигаться, взяв с собой легко раненных и убитых.

Пришлось мне со своими подчиненными

оказать только первую помощь всем раненым.

Погрузили тяжело раненных на собачьи волокуши, из-за ужасной метели, не знали точно куда двигаться. Собаки по нюху сами нашли дорогу. С огромным трудом по близости удалось отыскать госпиталь. Сдали туда всех десятерых раненных и к полудню успели вернуться на поле боя.

Правда, будучи на поле боя уже в четвертый раз, такой ужас я видел впервые. Выстрелы шрапнелью, из «Андрюш» (немецкие «Катюши»), крики: «Санитар, санитар, воды!»

Мы нашли более-менее удобное место. Санитары начали стаскивать тяжело раненных ко мне. Я оказывал врачебную помощь, даже заполнял «Карточку передового района». За это время в восьми км от нас установили ПМП (полковой медицинский пункт).

Саперы и музыканты организовали вынос с поля боя и захоронение погибших. Потом уже выяснилось, что было допущено множество ошибок. В братские могилы попало много солдат, имевших документы в карманах, с их именами и фамилиями. (Читайте главу «Особое поручение»).

За четыре дня мы продвинулись на 8 км. Затем мы попали в окружение.

Целый месяц на нашем фронте не было продвижения вперед. И командование решило отправить один батальон «на смерть», чтобы он воевал в тылу врага до конца, отвлекая на себя вражеские силы и тем самым, давая возможность

одной из соседних армий двинуться вперед.

Восемь дней и ночей шли ожесточенные бои, несмотря на то, что мы ничего не ели и не пили шесть дней. Бои шли на сопке Самогариха-Касалапиха.

В один напряженный момент почтальон принес письма. Из 200 названных бойцов, 70 оказались погибшими.

Батальон потерял храброго капитана Кавуна. А я из санитарного взвода потерял двух санитаров: Абажанова и Маргиева. Отправленные мною в последний рейс собачьи волокуши не вернулись. Четыре дня мы были в окружении.

На восьмой день бои затихли. Из личного состава осталось в живых меньше половины. Остатки батальона получили приказ пробиваться к своим. Однако, о нашем мед.взводе, в котором находилось 17 неподвижных раненных, как-то забыли. Мы находились на сопке. Старшина и сан.инструктор Барышников в дни окружения много помогали при переводе тяжело раненных от границы в тыл. По просьбе из штаба к собачьей волокуше были присоединены еще два разведчика с автоматами. На девятый оборот волокуши с раненными вернулись обратно. У меня 17 раненных, двое в крайне тяжелом состоянии.

Еще вечером мы заметили, что наших желтых ракет на линии фронта не видно. У нас не было возможности накрыть «конвертами» всех раненных. У меня был храбрый санитар Негодов (грек). Ему я

поручил идти в штаб батальона. Был вечер. Он вернулся и доложил, что наших автоматчиков в окопах нет, блиндаж штаба пуст, вообще никого нет.

Убедившись, что мы остались одни, линия фронта открыта, мы стали перетаскивать раненных в «теплый» блиндаж штаба батальона. Но мы не учли, что так мы перед лицом врага, линия фронта открыта.

Мы взяли автоматы наших раненных и заняли оборону вокруг блиндажа, надеясь на то, что на место нашего батальона скоро придет какая-нибудь другая часть из тыла.

Не прошло и часа, как наши стали поддерживать нас минометным огнем. Ясно было, что они добрались к своим и дают нам сигнал к выходу и одновременно прикрывают, чтобы враг ничего не знал.

Я подумал, зачем ждать утра, на нас точно нападут, лучше выходить сейчас и быстро. Старшина Супруненко, участник финской войны и сан.инструктор Барышников, он погиб позже в Германии от древесного спирта, со мной согласились. В полночь стали выводить раненных наружу: «Что, вы, с нами делаете, зачем тащите наружу, где волокуши, где наши автоматы? Отправьте нас быстрее». Мы их как могли успокоили. Тащили под руки, тяжелых на плечах. Двое тяжело раненных умерли в блиндаже (у обоих было осколочное ранение в живот). Осталось 15

раненных. В полночь, стараясь не шуметь, мы ползком двигались по снегу в сторону фронта. Пройдя два км, мы перебрались через ледяную реку. Возле реки мы заметили сарай, в котором ночевали трое немцев. Барышников хотел их застрелить из автомата. Я этого не допустил. А то из-за звуков выстрелов мы могли бы оказаться в плену.

Мы стали продвигаться еще быстрее. Пройдя метров 500, мы нашли своих.

До рассвета оставалось совсем немного, когда неожиданно мы нашли своих. Впереди шел старшина, я следовал за ним. Каждый из нас тащил на себе или вел под руки кого-то из раненных. Вдруг, как «из-под земли» появился солдат. Было темно, мы его даже не сразу узнали (прямо впереди от нас 30 метров). Перестали ползти и схватились за автоматы. Я оставил раненного и подошел к старшине. Стал спрашивать: кто это? Свой или враг? Не ожидая ответа, без автомата, я отполз метров на 15. Услышал его разговор с комбатом нашим. Ах! Это его адъютант младший сержант - татарин. Вызвал старшину и подошел к нему. К этому времени он повернулся, узнал нас и крикнул. Мы - пропавшие появились. Кстати говоря, когда батальон вышел из окружения, во всей дивизии нас так и называли «пропавшие».

Тут же я бросился с вопросами в окоп, в котором находились трое: комбат, радист и начальник штаба. «Почему уходя, нас не забрали?» - спрашиваю у комбата. «Что, скажите, что забыли, а

где ваша разведка?» заставил его отвечать.

- Не волнуйся, военврач, - успокоил он меня, - на войне бывает по-всякому. Вы один или с ранеными?

Тут же поднялся наверх. Увидел раненных и приказал радисту разбудить генерала. Было пять часов утра, темно, но адъютант разбудил генерала.

- В чем дело, комбат? Что за срочность?- спросил генерал, я слышал.

- Товарищ генерал, «пропавшие» выкрутились, даже с ранеными вышли.

Генерал приказал раненных не отпускать, пока не приедут из штаба дивизии. Потом генерал спросил меня лично: «Ты, военврач, не оставил раненных на том месте?» Я ответил, что взяли всех, кто был. Потом коротко рассказал обо всем. Комбат и начальник штаба сказали мне спасибо.

Я поднялся к своим, взяли раненных и к рассвету пришли в батальон. Солдаты и офицеры называли нас «пропавшими».

Увидели мы своих двух санитаров и ездовых. Как они плакали! Целовали нас, обнимали.

Раненных окружили, автоматчики угощали их сухарями, сахарным песком. Спустя часа два на санях приехали зам.командира дивизии полковник Черняев и старший врач нашего полка м/с Кудрявцев. Сначала они допросили всех раненных и моих подчиненных, убедившись в том, что в тылу врага не осталось раненных, полковник Черняев хлопнул меня по плечу и сказал: «Спасибо тебе,

кавказский парень, ты не только сам спасся, но и спас доверенных тебе раненных!» Они уехали.

Я попросил одного из командиров рот, чтобы для 15 раненных готовили повозки. Попрощался со старшиной Барышниковым и с остальными санитарями и ездовыми, посадил раненных на повозки и поехал в медсанбат нашей дивизии. Фельдшер нашего батальона Власов на этих повозках вернулся к себе. Во время этой операции я его заменял. Меня обнимали, целовали почти весь состав медико-санитарного батальона нашей дивизии: врачи, сестры, санитары, даже шоферы медсанбата, несмотря на то, что я не брился 10 дней, был уже с небольшой бородой. От всех слышал: «Спасибо, военврач, пропавший!»

Побрился я в кабинете нач.сандива Степанова. Долго обо всем говорили. Пока я получил только благодарность. Затем я вернулся в сан.роту своего полка к Кудрявцеву и Агазейналу (ком. сан.роты). Потом я узнал, что батальон выполнил задание. Наша 34-я армия пошла вперед, перешла в наступление. Позднее, находясь в Латвии, за эти бои меня наградили орденом «Красной Звезды».

г. Магдебург, Германия, 1945 год.

Часть врачей медико-санитарного батальона (МСБ-т) 282-ой Гвардейской Тартусской дивизии и полковые врачи. Германия.

В первом ряду слева на право сидят три хирурга МСБ-та, четвертый слева сидит нач.сандив Степанов.

МЕДСАНБАТ

На каждом фронте существовали армейские госпитали I-ой и II-ой линии. Были также и фронтовые госпитали, так называемые эвакуогоспитали (ЭГ). Раненные – инвалиды, те которые нуждались в длительном лечении, из этих госпиталей эвакуировались в глубокий тыл.

В дивизиях существовали небольшие госпитали, так называемые медсанбаты (медико-санитарные батальоны – МСБ). В их состав входили: 16 врачей - 4 хирурга, 2 терапевта остальные- врачи разных специальностей; 34 медсестры, 49 санитаров, 18 шоферов и 12 автомашин.

Во время боя в такой госпиталь попадали с передового БМП – батальонный мед. пункт, а в другое время из полковых мед.санчастей - ПМП (полковой мед.пункт).

Во время обороны в госпиталях находились сотни больных с различными заболеваниями.

За два с половиной года войны я пять раз побывал на 3-х дневных семинарах, в основном, полевой хирургии, терапии и судебно – медицинской экспертизе, в разных госпиталях.

Приходилось видеть больных столбняком (тетанус), с газовой гангреной и т.д.

Медсанбаты всегда тщательно маскировались, несмотря на то, что располагались далеко от линии фронта. Но иногда они располагались близко к

линии фронта, находясь почти в километре. Но все же госпиталя часто бомбила немецкая авиация.

За два с половиной года я дважды на один-два месяца выезжал в МСБ-т работать вместе с хирургами. Я им ассистировал, делал небольшие операции самостоятельно. Во время длительных боев ощущался наплыв раненных. Порой хирургам приходилось делать до 150 операций в сутки. Оперировали в двух палатках, в одной было восемь, а в другой два операционных стола.

Однажды наш нач.сандив Степанов вызвал меня к себе в кабинет и сказал: «Послушай, военврач, ты у нас уже второй раз помогаешь хирургам. Пока ваш полк держит оборону, приезжай к нам на месяц, поможешь хирургам. Хирурги сказали мне, что у тебя хорошие способности. Ты вполне сможешь стать самостоятельным хирургом. Я сравнивал тебя с врачами из других полков».

Я согласился остаться на месяц, получив разрешение у командира нашего полка.

В конце второго месяца Степанов подошел ко мне во время операции и сказал мне на ухо: «Послушай, военврач, оставайся здесь навсегда. А на твое место, в ваш полк я на днях направлю одного из новоприбывших врачей. Документы потом оформим, понятно? Оставайся!»

Я ответил, что еще подумаю пару дней. И остался еще на два дня.

Во время операции зашел военфельдшер нашей сан.роты, удивился, не поняв в чем дело, и говорит:

«Военврач, наш полк перешел в наступление, наступаем уже второй день. Я привез 30 раненных. Два наших врача работают день и ночь, мучаются. Они с нетерпением ждут вас. Приезжайте!»

Я приказал ему подождать. Закончил операцию, снял халат и доложил главному врачу МСБ-та о том, что меня ждут в полку. Попросил передать, чтобы Степанов не обижался - я вынужден уехать.

Мы вышли из палатки, сели на наши повозки и отправились к себе, в наш полк. Если суждено погибнуть, лучше уж на передовой.

АХМЕД ВЕРНУЛСЯ С ФРОНТА...

Этот случай произошел в январе 1944-го года, вблизи станции Евлаха, в Азербайджане.

Эту историю в 1950-м году рассказал мне коллега по работе, доктор Мурадов. Он сам в 1944-ом году, будучи судебным врачом, стал свидетелем этой истории.

В одной деревне, в 12-ти км от Евлаха жили два старика – муж и жена. В декабре 1943-го года они получили извещение о гибели единственного сына Ахмеда. Справили поминки, траур. После сорока дней уже не ждали сына.

Но на самом деле он не погиб, а, получив тяжелое ранение несколько суток находился в шоке. В полночь подошли саперы и музыканты, посчитав его погибшим, забрали документы и сдали их в штаб батальона. Из штаба послали извещение. Следующей ночью саперы и музыканты подошли, чтобы забрать труп и похоронить. Обнаружили, что солдат жив, что он тяжело ранен, находится в шоке. Тут же отправили его в госпиталь. Там стали требовать документы, а их нет. Ахмед сказал, что, наверное, он их потерял.

Спустя месяц его состояние улучшилось, раны заживали. Через десять дней он приехал в свой батальон. В штабе уже забыли, что на него оформлено извещение, как о погибшем. Стал солдат, с разрешения врачей госпиталя, собираться в дорогу. После ранения его демобилизовали...

Приехал Ахмед в Азербайджан.

Теплым снежным днем, где-то в конце января 1944-го года приехал он на станцию Евлах. На станции встретил своего друга – соседа. До чего же обрадовались встрече - обнимались, целовались.

Друг спросил Ахмеда: «Как же это так? Ведь мы получили извещение о твоей смерти месяца два тому назад. Вдруг, ты, приезжаешь, даже не сообщив ничего. Старики твои еще и сейчас плачут. Мне надо срочно сдать документы в отдел нагорного района. Прошу тебя, подожди минут 15, я вернусь, и мы вместе пойдем в село. Всем скажу, что я привез Ахмеда!»

Ахмед согласился. Парень, выходя, крикнул еще раз, чтобы Ахмед его подождал.

Но терпения у Ахмеда не хватило, и он тронулся в сторону своего дома. Прошел три км и навстречу ему два огромных волка. Шел крупный снег, вблизи ничего не было видно, звать на помощь некого. У Ахмеда в руках было два чемодана, защищаясь ими, Ахмед начал отступать назад. Вдруг волки на него напали. Тогда Ахмед бросил в них один из чемоданов, хотел убежать, а волки опять нападают. Бросил второй чемодан, отступил назад и упал в колодец. Чтобы хоть кто-то заметил его, Ахмед пытался бросать вверх все, что попадалось под руку. В тоже время он сумел достать из кармана небольшой блокнот и стал записывать, со всеми деталями, все, что произошло с ним с того момента, как он оказался в госпитале,

как встретил на станции друга и т.д.

Ахмед кричал во все горло, звал на помощь, бросал вверх камни. Стало холодно, его знобило, Ахмед уже думал, что его ждет смерть.

Заметили его прохожие – верховые, двое – председатель колхоза и парторг села. Они увидели, что кто-то из колодца бросает камни. Подошли поближе.

- Ахмед, ты погиб, извещение получили уж давно. Как хорошо, что это не так, мы видим тебя живым! Но что, ты, делаешь в колодце? – спрашивали они Ахмеда.

Он все рассказал. Председатель колхоза велел парторгу бежать быстрее на станцию и принести веревку, чтобы вытянуть Ахмеда из колодца. Ахмед его остановил.

- Послушайте, уважаемый председатель и уважаемый парторг. У меня в чемодане есть отрезы, бросьте их мне, я обвяжусь, и вы меня вытащите.

Вдвоем они стали тщательно проверять чемоданы. Оказалось, что в них кроме отрезков, серьги и браслеты. Они возились больше чем полчаса. Ахмед кричал во весь голос, ответа не было. Стал опять заполнять свой блокнот.

Крикнул в последний раз: «Дорогие мои, вы меня вытащите из колодца, я отдам вам все, что пожелаете! Только прошу, быстрее!»

Никто не отзывается. Он продолжал вести свои записи. Вещи из чемодана они разделили между собой. После всего нашли большой камень,

подошли к колодцу и бросили Ахмеду на голову – на смерть. Рука, погибшего Ахмеда, так и осталась вытянутая вверх.

Друг Ахмеда начал его искать на станции Евлаха. Он ходил по кабинетам и, убедившись, что друг его не дождался, направился в село. В плохом настроении пришел он в село и всем рассказал, что первым увидел Ахмеда. Решил пойти к Ахмеду домой, и узнать почему друг его не дождал. Позже так он рассказывал на суде.

Люди стали над ним смеяться, говорили, что он, наверное, бредит: «Ахмед давно погиб! Зачем, ты, лжешь? Замолчи!»

Зашел к нему домой. Видит, что Ахмеда нет. Отец и мать вновь плачут.

Собрались соседи. Стали на него кричать: «Друг, да, ты, бредишь, покажись психиатрам. Ты сошел с ума. Если бы, ты, его видел, то он должен был бы быть здесь. А его нет».

Этот друг даже заболел. Перестал на улицу выходить. Председатель колхоза направил его, через милицию, в Баку, в психиатрическую лечебницу.

Через двадцать дней он вернулся со справкой о том, что совершенно здоров.

Наступила весна. Везде начал таять снег, и в колодце, где лежало тело убитого Ахмеда с поднятой вверх рукой.

Председатель колхоза вызвал одного колхозника и сказал, что где-то по дороге в Евлаху есть колодец. Это опасно для прохожих, надо

засыпать его землей. Колхозник пообещал выполнить задание. Взяв целый фургон с землей, он направился к этому колодцу. Сказал, что он сможет найти колодец. Снег растаял, и было хорошо видно руку Ахмеда.

Как только он это увидел, бросился на станцию, в милицию. В милиции прочли блокнот мертвого Ахмеда. Арестовали обоих преступников.

Эту историю знает весь Евлах.

Через месяц, уже на суде оба преступника сознались. Их приговорили к 25 годам тюремного заключения.

Все благодарили друга Ахмеда. Его позже назначили председателем сельсовета.

ПРОВАЛ

Прибалтийский фронт, 1944-ый год.

Стояли жаркие дни июля 1944-го года. Освободили Латвию – Даугав и Шауляй.

Теперь находимся в Эстонии.

Наш полк быстро наступал, продвигался вперед. Тыловики, в том числе сан.рота отстала, так как противник непрерывно над нами летал. Продвижение было невозможно.

Старший врач Кудрявцев нас не послушал, взял повозку и помчался по асфальту. Издали мы слышали выстрел. Он был ранен в голову. Врачи соседнего полка сразу взяли его к себе. О его судьбе никому до сих пор ничего не известно. Постоянно хрипевший ездовой погиб, фургон с медикаментами остался лежать на асфальте.

Нам приходилось двигаться краем леса, по болоту. Командир сан.роты Ахмедов Ага Зейнах (мой однокурсник) временно исполнял обязанности старшего врача. Мы знали, что впереди нас ждет большое количество раненных. Наших самолетов не было видно.

С левой стороны дороги стояло типовое одноэтажное каменное здание школы. Стоявший у входа офицер спросил есть ли среди нас медики и, сказав, что имеется много раненных, попросил войти. Я с двумя санитарями, с медицинскими сумками быстро пошли вперед. Сан.рота двигалась в сторону передовой.

Немецкие истребители гонялись даже за одним человеком. Сан.рота забрала с собой аптечную повозку с погибшим Блюмовым.

Мы зашли в здание школы. Там находилось около двухсот человек. Что там творилось! Просто ужас! Десятки не обработанных легко раненных, 8 тяжело раненных, один человек при смерти.

Остальные солдаты и офицеры из разных частей прятались от вражеских истребителей. Все дрожали от страха во время налетов бомбардировщиков. Враг старался сбросить бомбу именно на школу.

Нам стало жалко лежавшего на полу, в середине канцелярии танкиста, старшего лейтенанта, одетого в немецкий мундир. Он убил немецкого офицера танкиста и надел на себя его шинель. У него был перелом бедра и серьезное открытое ранение. Танкист потерял много крови. Он был совсем бледный, с трудом разговаривал. С помощью зажимов я сумел остановить кровотечение, наложил повязку. Надо было срочно переливать кровь и вливать жидкость. Но у меня ничего не было. Пришлось его оставить и оказывать помощь остальным семи тяжело раненым. Легко раненных перевязывал мой санитар. Вдруг прямо рядом со школой упала бомба. Всех оглушило. Мы думали, что если бомба упадет на школу – всем конец.

Мы собрались вокруг танкиста. Из его кармана я достал фотографию. Танкист долго смотрел на

свою жену и детей, целовал снимок, прижимал к себе, потом закрыл глаза и скончался.

После смерти старшего лейтенанта в небе воцарилось временное затишье. Я успел за это время оказать помощь остальным тяжело раненым, сделал уколы.

В школу начала заходить сан.рота соседнего полка. Когда я убедился в том, что среди них есть врачи и медсестры, я со своими санитарями, устремился вперед.

Мы нашли свой полк. А потом целых трое суток - дни и ночи шли бои за железнодорожный узел. В одном ауле, с четырьмя домами было много раненных. Мы оказали им медицинскую помощь.

Когда мы оказались в окружении, контузило медсестру Лилию. Двое суток шли бои, несли тяжелые потери. На помощь пришла наша авиация, окружение было прорвано, начали отступать. Впервые я видел отступление – паника стрельба автоматчиков, которая перекрывала абсолютно все вокруг.

Смотрим идет командир полка с двумя офицерами, Сам ранен, прихрамывает. Он был ранен в ногу и в руку, я перевязал его раны, на руку наложил шину. Вскоре мы вышли из окружения.

Один из комбатов, майор, держа пистолет в руке, поднялся на повозку и крикнул, угрожая: «Автоматчики и минометчики, не трогайтесь с места все вместе, не бегите, а то убью. Мы можем задержать врага!»

Командир полка сказал, что он здесь, не надо бояться, что мы задержим врага.

Отступление приняло массовый характер.

Мне вместе с санитарями пришлось задержать все полковые повозки, посадить всех тяжело раненных. Бежали мы под пулеметным и минометным огнем противника.

Дошли до аула, обошли все дома, чтобы не оставить ни одного раненного. Все спешили.

В одном доме я нашел солдата с переломом ноги, на нем шина крамера, сам положил, я помню. До чего он умолял, чтобы мы его взяли. Я вышел во двор, взял двоих солдат. Мигом положили его на повозку связистов. У нас под ногами только что вспаханная земля. Бежим и падаем.

Как только перешли реку Пухья сразу заняли новую рубеж оборону.

Жаль, многие не выбрались, погибли, среди них – мой фельдшер Миша.

На второй день левый фланг продвинулся вперед, километров на тридцать. Нам объявили, что полк задание выполнил.

Многие отдали свою жизнь, чтобы наш левый фланг получил возможность продвинуться вперед.

ПАПА, БЕРЕГИ СЕБЯ!

Первый Украинский фронт, января 1945 года.

После освобождения прибалтийских республик, вся наша армия располагалась в Архангельске – в Исакогорке. Целью нашего Верховного командования было перебросить нас на север, точнее в Финляндию. Мы даже меняли повозки на сани. Но в начале декабря пришел отказ.

Погрузили нас в эшелоны и повезли из Архангельска в Польшу.

Вновь, уже в десятый раз за четыре года войны, приходилось мне быть врачом в крупных эшелонах, рассчитанных на 900-1000 солдат

До Москвы мы добрались за пятеро суток. Громадные паровозы носили имя Сталина.

Однажды, я видел, как несколько солдат бросились в лес - рубить сосновые деревья, чтобы было чем топить паровозы, ведь топили дровами.

Остановились где-то в трех км от станции Москва -товарная. Солнечный день. В середине эшелона в офицерском вагоне была открыта дверь. В таком вагоне обычно находился начальник эшелона – комбат, штабные офицеры, врач эшелона и инженер полка. До отправления оставалось не больше полу часа, к нашему вагону подошел 35-летний кадровый офицер из Москвы, с семьей. Он был с женой и с двумя дочерьми. Видимо, он был из ашкеназов. Офицер поздоровался, представился, сказав, что он уже 15 лет политрук, поинтересовался

нашей воинской частью. Затем начала нас расспрашивать и его жена, она говорила: «Зачем едем? Ты, офицер, но войны не видел, не видел взрывов бомб и разрывов снарядов, не бежал, не скрывался, вынужденный падать на землю, куда придется. Придется быстро привыкать. Дорогой, береги себя! Мы постоянно будем о тебе беспокоиться – я и дочери!» Его дочери, 10 и 16 лет, прыгали рядом и смеялись.

После первого гудка паровоза капитан поцеловал жену и детей, поднялся в вагон. После второго гудка старшая дочь закричала: «Папа, береги себя!» Эти слова я запомнил на всю жизнь!

Капитан сел от меня на противоположные нары, напротив комбата майора Шаповаленко. Молчали. Комбат не выдержал, стал расспрашивать: «Чего молчишь? Представьтесь, покажите документы».

Тогда офицер сказал: «После войны меня могут спросить, где, ты, был все годы войны, наверное, дезертировал. Я знаю, что скоро война кончится. Поэтому я решил добровольно пойти на фронт!»

Комбат назначил его замполитом 2-ой роты. Это место, как раз, пустовало. Комбат что-то ему сказал, и офицер это запомнил.

Паровоз взял курс на Польшу, с частыми остановками мы продвигались по Западной Украине. На одной из остановок из соседнего эшелона к нам присоединился командир нашего

полка. Как только сел, сразу начал расспрашивать нового капитана.

В Новогодний вечер 1945-го года, до двух часов ночи все офицеры нашего полка были на первом этаже железнодорожного вокзала в городе Львове. Я видел там старшего врача нашего полка, я был командиром сан.роты этого же полка. Мы пили, веселились, нашей радости не было предела.

Со 2 по 11 января мы проходили по лесам западной части Польши. 12 января поднялись по тревоге, начали маршировать, чтобы заменить один из воюющих полков. Участвовали даже в освобождении Варшавы, но в город не заходили.

23-го января все кругом было покрыто снегом. Прямо с хода зашли в один из красивейших городов Польши, в Тарновец. Город еще не был освобожден. Зам. командира дивизии по строевой подготовке, подполковник поднялся на повозку, держа в правой руке пистолет, начал кричать и одновременно сделал два выстрела. «Все офицеры, ко мне! Мы находимся в городе, это правда. Но учтите, что это поле боя, мы стоим лицом к лицу с противником! Городом не увлекайтесь! Не увлекайтесь витринами, передайте своим бойцам! Все по местам, чтобы сегодня же мы освободили город». Каждый получил свое задание. Эти его слова мне не забыть.

Начался бой. Новому капитану дали опытного связного. Он помогал, оберегал, подсказывал, как укрываться от взрывов. А капитан все смотрел на витрины города. Во время одного минного взрыва, в

один момент он упал на асфальт, смертельно раненный. Связной забрал у него все документы, оставив только паспорт. После боя, когда город был взят, связной все рассказал комбату.

Всю сан. роту я разместил на первом этаже большого здания. Мы заняли четыре комнаты. Я и младший врач, круглые сутки принимали раненных, даже и из других полков. В середине улицы появился указатель: «Мед. пункт».

Напротив нас в результате попадания двух пушечных снарядов разрушился дом, рядом с которым располагалась целая рота соседнего полка. Погибли десятки солдат, было около сотни раненных. В этот раз, мы, трое врачей, работали двое суток, даже без перерыва для сна. Оказывали медицинскую помощь, даже всем переливали кровь.

Город освободили. 10-ый раз благодарность от Сталина.

А у меня в ушах все звучало: «Папа, береги себя!»

Гв. Капитан мед. службы Шаулов Шаул Гаврилович.

Часть работников из моей сан. роты.

Фото, сделано позднее в Германии.

Справа налево: фельдшер Алимов, инженер полка Федосеев, Шаулов (это я), мед. сестра Мария и врач Арсагов.

25.05.1945

ПОЛК ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

Первый Украинский фронт. Начало марта 1945-го года.

Я, командир 874-го полка 282-ой Тартусской Гвардейской дивизии. Мы все еще в Германии.

Лежит снег, все еще холодно. Бойцов и боеприпасов у нас мало. Получили пополнение, и перешли в наступление. Вошли в город Кампен. Фельдшеры в батальонах, старший врач находится на передовой у командира полка – отважного воен.начальника Граневского (тоже еврей). Я с младшим врачом без перерыва принимаем раненных. Оказываем врачебную помощь, даже вливаем раненым в шейные нервы новокаин (вагосимпатичная блокада), чтобы облегчить боль, ниже шеи.

На улицах маленького городка много убитых, саперы и музыканты не успевают хоронить. А мы не успеваем отправлять всех тяжело раненных, повозок мало, и те возвращаются поздно.

Вдруг я получаю записку командира полка:

«Воен. Врач Шаулов, остановите прием раненных, всех работников мед. сан.роты давайте на передовую!»

Приказ есть, приказ! Я попал к батарейным орудиям, медсестры к пулеметчикам. Положение очень тяжелое. Тяжело видеть, что силы противника превосходят силы нашего полка.

Раненым оказывается помощь только на

месте. Вдруг контузило Римму Андреевну, медсестру.

На второй день подходит ко мне адъютант командира полка с запиской в руке:

«Воен. врач Шаулов! Приказываю немедленно мобилизовать все повозки полка и вывезти всех раненных с улиц города в ближайшее к нам село.

Командир полка Грановский».

Среди легко раненных стали распространяться слухи, что полк попал в окружение. Я сразу вспомнил наставление зам. командира лыжной бригады: «В таких случаях именно офицерам необходимо держать крепко в руках рукоять пистолета, чтобы не попали немцы – застрелиться на месте».

В течение часа удалось собрать 8 повозок, разместить на них 30 тяжело раненных и вывести из села. Бывшие среди них трое легко раненных офицеров во всем мне помогали.

Пройдя километра два, уже в середине дороги, на подъеме, мы встретили своего генерала, командира дивизии с одним полковником, они были верхом на белых лошадях (похожих на моих лошадей из-под Старой Русы).

Подбежав к генералу, я показал ему записку от Грановского. Он сказал, что сделано все правильно. А затем спросил меня: «Воен. врач, как, по-вашему, можно удержать село?» Я ответил: «Нет, товарищ

генерал. Противник сильнее нас, полк перед блокадой».

Они погнали своих лошадей, чтобы временно заменить командира полка. Мы оглянулись назад, в городе Кампене горело несколько домов.

Проехав еще километра три, мы добрались до села Ранкау. Это большое село было совершенно пусто. Там командовал наш комендант. Кроме него там находились еще и наши тыловики.

Мы расположились в одном барском доме. Повозки отправили обратно. С помощью трех офицеров до самого утра занимались тяжело ранеными. Делали уколы, приходилось колоть морфин, блокаду и т.д. одну повозку я оставил для себя, а ездовой на улице нас караулил.

К утру на этой же повозке я помчался на передовую. Раненных поручил офицерам.

Приехал в городок и изумился. Что здесь творится, ужас! Генерал только-только уехал в наступавшие полки.

Враг вытеснил наш полк. Город почти сдан. Было много раненных. Старший врач отправил их в мед.санбат. сам Граневский легко ранен. Наш полк потерял двух санитаров, четверо были тяжело ранены. Положение критическое. Прежде чем сдать город, мы, трое врачей до десяти утра оказали помощь всем раненым и на повозках начали их вывозить в Ранкау, куда доставили вчерашних.

Позже оказалось, что уже после нас комендантская охрана поднялась на чердак этого

барского дома и обнаружила там трех немецких офицеров, которые переоделись в гражданскую одежду.

Наш полк заменила другая часть из Армии. Они начали наступление на Кампен. Захватив город, они форсировали реку и выровнялись с наступавшими с правого фланга.

Генерал приказал представить всех к наградам – офицеров, бойцов, раненных, так как эта операция позволила продвинуться другим полкам. Меня перевели в соседний полк, на ту же должность – командир сан.роты полка.

ОТРАВЛЕНИЕ

Однажды, в Германии мы стояли недалеко от бывшего немецкого аэродрома. Передовая часть нашей сан.роты находилась на этом аэродроме.

Старший врач нашего 374-го полка взял повозку с двумя санитарями, и мы поехали к ним. В случае продвижения вперед, чтобы не искать помещение для сан.роты. Старший врач застал их во время обеда. Сам выпил стопку «водки», даже не подумав, откуда она. Глядя на него, остальные стали выпивать вдвойне.

Выпили они авиационный бензин, похожий на спирт, так называемый, древесный спирт. Этим спиртом, лично я, Шаулов отравился вместе со старшиной (будучи в другом полку) в городе Тарту (Прибалтика). Жили неделю в барском доме. В шкафу стояла «водка», выпили мы оба по стакану и отравились.

Тогда нас спасли врачи из мед.санбата. Они слышали, что в Тарту найдена подземная пивная бочка на 150000 литров. Я послал походного на кухню, принесли нам пиво (160 литров). К счастью, в это время приехали на двух машинах все 16 врачей нашего МСБ-та.

Пили до самого утра. Всего-то напоили нас и этим спасли от смерти.

А здесь на аэродроме выпили гораздо больше. Правда, были в сознании, однако состояние тяжелое у всех, кроме старшего врача.

Мы сделали все самое необходимое, прежде всего, сделали им промывание желудка. Затем, посадив на открытую машину, я лично отвез их МСБ-т нашей дивизии. Старшего врача посадил рядом с шофером и попросил ехать на полной скорости.

В кузове машины сидел лейтенант с переломом правой кости плеча. Фельдшера наложили ему шину. Лейтенант дважды кричал, просил остановить машину, потому что ему было очень больно. Но я не слушал. Вдруг, глянул налево, немецкий пистолет «Браун» у лейтенанта в левой руке, нацелен прямо в меня. Сажу в середине, на моем колене лежит голова ездового Воробьева. Лейтенант кричит во весь голос, требует остановить машину, угрожает убить. Отравившиеся все спали, я крикнул Барышникову, который сидел рядом с лейтенантом. К счастью, он проснулся, увидев пистолет. Сумел отобрать и выстрелил в сторону. Я попросил остановить машину, встал, помог лейтенанту с плечом, ему стало легче. После этого мы поехали дальше.

У ездового Воробьева было два ордена Красной Звезды, за вынос раненных с поля боя. Пострадавших, было семеро: 2 санитары, 3 ездовых, старшина и санинструктор Барышников.

В МСБ-те старшего врача поместили в палату, его состояние было удовлетворительное.

Остальных вовсе не трогали, поскольку все они были при смерти.

Разместив отравившихся, я зашел в палату нач.сандива Степанова, доложил обо всем. Он предложил мне чай и напугал тем, что КГБ и при МСБ-те может наказать меня тоже. Все, кроме старшего врача, мои работники, я их должен был предупредить, ничем не увлекаться на аэродроме. Меня знобило от страха. Но в тоже время он меня успокоил, сказал, чтобы я не боялся, потому что основной виновник происшествия – главный врач.

Зашла медсестра приемного отделения Броня. Сказала, чтобы я пошел посмотреть, как отравившиеся почернели.

Зашли с нач.сандивом. Все семеро умерли и почернели, как уголь. Нач.сандив. велел всем врачам придти посмотреть, что это за чудовище – древесный спирт.

Документов, по правилам, не отдали. Я успел только взять письма из карманов, чтобы отправить по адресам. Они даже не успели их прочитать.

Ездовому Воробьеву внуки писали: «Дедушка, приезжай скорее! Покажи нам свои ордена. Ждем тебя с нетерпением!»

Старшине писала жена: «Что с тобой, Ваня? Почему так долго не пишешь? Мы знаем, что война скоро кончится. Напиши, хоть разок, до приезда. Дети с нетерпением ждут тебя!»

Ст. врач 874-го полка 282-ой гв. ст. дивизии.

Казбек сидит в середине, стоит справа командир сан.роты полка Шаулов, в белых гимнастерках боевые фельдшеры нашего полка.

После войны, в Германии.

ДЕВЯТОЕ МАЯ – ПОБЕДА

Первое Мая 1945 года мы торжественно отметили с личным составом сан.роты. К нам на вечеринку даже пришли девушки – медички из соседнего 874-го полка.

На следующий день вдруг была объявлена тревога, и мы двинулись вперед. Сначала вдоль линии фронта, а затем - в бой!

Враг оказывал сильное сопротивление. Несмотря на большие потери, мы каждый день продвигались вперед.

Места очень красивые.

8-го мая с боями взяли город Вальдебург. Стали распространяться слухи о том, что немцы вот-вот объявят о капитуляции. Но бои продолжались. Вечером наступило затишье. К утру вновь началось сопротивление. 9-го мая, к девяти утра мы ворвались в город Швайденц. Бои продолжались до полудня. Было множество трупов и раненных с двух сторон. Потом вновь воцарилась тишина. Ждали приказ. Опять распространился слух, что сегодня в Берлине подписана капитуляция.

Мы получили газету «Патриот Родины» в ней красным шрифтом было написано о капитуляции. ПОБЕДА! Долгожданная Победа!

Мы обнимали и целовали друг друга. Нашей радости не было предела. Все дивизии радовались этой вести. Даже военные поляки и чехи обнимались и целовались с нами. У каждого на лице

было написано невероятное счастье.

Мы получили приказ двигаться в сторону Альпийских гор, это километров семьдесят. Продвигались без боев, однако очень устали. После кратковременного отдыха, за три часа поднялись на горы, с большими усилиями, там было очень холодно, снег.

Сосредоточилась почти вся армия. До пяти утра шли сильные бои. Силы «СС» оказывали сопротивление. Кроме самолетов и танков использовали и другие виды оружия. Только наша дивизия потеряла 12 офицеров, сотни бойцов. Мы без перерыва оказывали медицинскую помощь раненым и тут же в темноте передавали их в ближайшие мед.сан. батальоны.

10-го мая ровно к пяти часам утра воцарилась тишина. Немецкий дирижабль, у нас на глазах, поднялся в небо. Из его кабины начали передавать: «Братья – немцы! Прекращайте сопротивление, бросайте оружие, мы проиграли!» Так нам перевели, те, кто знали немецкий язык. Раздалось громогласное «Ура!», которое отозвалось эхо в горах.

Начали двигаться вперед. Справа и слева стояли немецкие войска, опустив головы. К рассвету через лес Брунау вышли на дорогу. По шоссе в направлении Чехословакии, начиная с гор и по дорогам, вели пленных немцев, под нашей охраной в тыл. Многие семьи немецких беженцев возвращались назад на своих огромных фургонах,

на которых были вывешены белые флаги. Наши двигались на велосипедах, на мотоциклах, на повозках и, конечно, пешком. Только быстрее вперед. Шум, крики, радость, даже «пьянки». Освобожденные пленные обнимали и целовали нас. У всех на одежде, на спине были нашиты номера. Какие ужасные истории они нам рассказывали! Весь лагерь пленных был окружен тремя рядами колючей проволоки. Больше всего было евреев, чехов и поляков. Нас завели в один подвал, в котором были станки, на них из волос погибших женщин делали скатерти, занавесы и т.д. весь этот ужас мы увидели.

Мой старшина нашел трех лошадей и две повозки наполненных разными продуктами. Нашей сан.роте этого хватило на целый месяц.

Доехали до города Гранова. По обеим сторонам улиц в восемь рядов стояли люди. Из окон высоких домов высовываются люди, они стоят и на балконах. Нас тепло встречают в городе. Слышится «Наздар» (Приветствуем!), нам бросают цветы и сладости. На остановках обнимают и целуют.

Я спал в повозке, укрывшись трофейным шелковым пуховым одеялом. Проснулся, когда мы заходили в город, от криков «Наздар!» Вижу, что возле меня лежит медсестра Анечка. Я ее разбудил. Она проснулась, села. Народ с восхищением смотрел на русскую девушку. Стали бросать цветы и сладости. Все кричали: «Русская девушка! Русская девушка!» На одной остановке стали нас обоих

обнимать, целовать, даже дети так себя вели. Нас угощали чаем, поили молоком. Когда выехали из города, на нашей повозке было множество букетов цветов и сладости. Везде была слышна музыка, на перекрестках и в деревнях. Везде нас фотографировали.

Этот незабываемый единственный День Победы – Победы Русских над Германией, удалось пережить не каждому.

Поехали в Прагу, которую недавно освободили. Это древний красивый город. Мы два дня любовались городом, затем вернулись в Германию.

В ГОСТЯХ У НЕМКИ

Спустя 2,5 месяца после Победы, наша 282-ая Гвардейская Тартуская стрелковая дивизия стояла в одном из немецких городов – в Гиденбурге. Я занимал должность командира сан. роты 874-го полка.

Однажды, во второй половине дня из соседнего двора к нам зашла восьмилетняя девочка. Она сказала нам, что ее бабушка приглашает нас в гости в гости - на чаепитие, они жили через двор. Она не уходила, ждала ответ. Старший врач Резник спросил меня: «Шаул, как по- твоему, зайти нам или нет?» Я ответил, что можно зайти. Мы сказали девочке, что сейчас придем. А я продолжал: «Почему, нет? Во-первых, во всем городе наши войска, во-вторых, мы офицеры, вооружены (у каждого пистолет), возьмем с собой моего ординарца Паромонова. Ты же знаешь, что он родился в Германии, немецкий язык знает отлично. Конечно, Паромонов возьмет с собой свой автомат». Перед тем, как идти в гости мы захватили с кухни буханку хлеба и полкило сахарного песка. Позвали с нами и младшего врача, но она идти отказалась.

Когда мы зашли в соседний двор, нас тепло с улыбкой встретила женщина лет восьмидесяти. Слева на ее платье был какой-то знак. Я спросил, что это за знак. Женщина сказала, что она и ее покойный муж старые члены коммунистической партии Германии. Паромонов перевел нам эти ее

слова. Она хотела поцеловать нам руки, за принесенные хлеб и сахар. Но мы, конечно, не дали ей это сделать. Она была очень нам рада, пригласила в дом.

Кстати сказать, все мы трое были евреями, двое ашкеназов и я – горский еврей. Но про меня это никто не знал. В течение всех этих четырех лет во всех документах я был записан, как азербайджанец.

На столе перед нами был чай со сладостями. Женщина начала рассказывать, что во время войны ее внучка работала четыре года в Рейхканцелярии Гитлера. Еще до начала войны, до нападения Германии на СССР она, якобы, слышала, что Гиммлер, подойдя к Гитлеру, спросил какую тактику надо вести. А Гитлер ответил, что тактика должна быть такой же, как и в Европе в 1939 году – брать в плен и сажать в концентрационные лагеря. Гитлер говорил, что он уверен в своих силах, что за три месяца он сможет завоевать все республики СССР, что великая Россия будет ему подчиняться! Так как сейчас вся Европа!

Гиммлер, спросил еще о коммунистах и евреях. Фюрер сказал, что надо действовать так же, но чуть-чуть иначе. Что после завоевания всей страны, тех кто не подчинится – надо уничтожить. Гиммлер же считал, что уничтожать надо по ходу войны, что потом будет поздно, именно они своей агитацией будут сеять среди населения общее недовольство.

Женщина повторила, что все это она слышала от своей внучки. «Хочу добавить, - продолжала она,

- из-за таких жестоких и бесчеловечных действий вся страна ваша поднялась на борьбу с нами, на борьбу с общим врагом и вы победили! Если бы Гитлер действовал по своему плану, он бы мог победить и тогда сегодня, вас здесь бы не было! Не смотря на то, что я, коммунистка, я вовсе не радуюсь, для меня это большое горе. Германия потеряла 11 миллионов своих граждан. Гитлер проиграл потому, что послушал Гимmlера – действовал по его указанию». Такой вывод она сделала.

Потом я спросил, где ее внучка? Женщина ответила, что еще до конца войны она вместе с мужем уехала в Румынию.

В этот момент в дом зашел взволнованный восемнадцатилетний парень. Мы втроем, сразу встали, взяли за пистолеты. Бабушка прикрикнула на внука, даже обозвала его негодяем и велела уходить. Он попросил ее сказать нам кое-что: «Бабушка, скажи этим красным (т.е. нам), чтобы не радовались, тому что сегодня, они победили. Придет время, и Германия вновь нападет на Советский Союз!» Парень сказал это и быстро исчез.

Старший врач вновь задал ей вопрос. «Вы, говорите, что издавна являетесь членом коммунистической партии Германии, тем более, Вы, должны лучше знать. Почему Гитлер со дня вступления в должность канцлера Германии, в 1933 году, стал так ненавидеть евреев. Вы, коммунисты,

как на это реагировали?» Она ответила, что тех кто боролся, выступал на собраниях, печатал гневные статьи преследовали, сажали в тюрьму и даже расстреливали, так что почти и не могли бороться против фюрера. А в 1939 году, когда Гитлер напал на Европу, стало еще хуже. Поэтому с 1939-го года, раньше всех, коммунистическая партия вынуждена была уйти в подполье. Весь мир обличал Гитлера за бесчеловечные действия по отношению к евреям и к другим народам. А далее эта женщина сказала, что хочет заменить, что в предвоенные годы евреи в Германии богатели, начали занимать высокие посты в крупных учреждениях, вытесняли немцев. Среди евреев было больше миллионеров, чем среди немцев, так считала эта женщина. Она сказала, что, конечно, нельзя было давать такую волю, и замолчала.

Резник спросил меня, стоит ли рассказать ей, что они двое – евреи. Я ответил, что не надо.

Когда мы стали собираться уходить, она держа нас за руки, с улыбкой сказала нам спасибо, за то что мы зашли к ней. «Простите, может я наговорила лишнего, - сказала старушка, - что-то вам не по душе». «Ничего. Спасибо за гостеприимство и за беседу», - ответили мы, попрощались и вышли из дома.

Придя в сан роту, Паномарев еще раз стал нам все переводить.

ВСТРЕЧА ТРЕХ БРАТЬЕВ

– ветеранов после войны

Благодаря письму старшего брата Натана, осенью 1945 года, я нашел нашего младшего брата Ирмию, на территории Венгрии, где служил сам. Я взял его к себе в полковую сан. роту. Последние три года войны он служил десантником в системе 9-ой А.Д. Армии.

Три брата, 1947 год

слева Ирмия, в середине старший брат, справа я.

Брат совершил три боевых прыжка с парашютом, в тыл врага. О нем подробно написано в первой книге «Особое поручение».

Я демобилизовался в 1946-ом году, а он годом позже.

В начале 1947 года три брата, три ветерана Шауловых, встретились и сфотографировались.

Младший брат авиадесантник Ирмия после войны 25 лет заведовал аэропортом города Кубы, имел звание лейтенанта авиации.

Натан с первых лет советской власти в Азербайджане работал в городе Кубе в системе райкома и райисполкома. Он занимал высокие посты. Трижды был зав. поселковым советом Красной Слободы (до 1928-го года – Еврейская Слобода). За четыре года войны наш старший брат не будучи на фронте, тоже был награжден двумя медалями, как ветеран труда в тылу.

Старшего брата не стало в 1974 году. Младший брат живет в Америке.

24-го апреля 1945 года

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ О КУПАНАМ!

КРАСНОАРМЯЙСКАЯ ГАЗЕТА

Вторник, 24 апреля 1945 года.

11-54

Командующему войсками 1-го Белорусского фр

Горюхино, Овст. 1907

Начальнику штаба фронта 1 генерал-полковнику А. А. ШИШКИНУ

[illegible][illegible]

Набокова генерал-майор авиации;
генерал-майор авиации Тихонов;
генерал-майор авиации Блюнов, генера-
л-майор авиации Меньшиков; генерал-майор
авиации Бротко, генерал-майор авиации
Ковалев, полковник Гривалова, по-
лковник Чункова, полковник Гусарова;
генерал-полковник инженерии во-
йсковой, генерал-майор инженерии
Фурса, генерал-майор инженерии
Ткаченко, генерал-майор инженерии
Мариню, генерал-майор инженерии
Бордзюловского, полковник Ковалев

полковник *Нельского*, генерал-майор
переходных войск *Харькина*, генера
ли-инженерных войск *Яковлева*, подпо
Невзельского, полковника *Масина*,
ковника *Чистова*, подполковника *Пруж*
инер-подполковника *Месина*; святи
инер-лейтенанты войск связи *Мик*
полковники *Фадина*, подполковник *Че*
генерал-майора войск связи *Аким*
ковника *Соловьева*, генерал-майор
связи *Литовченко*, по, подполковник
полковника *Смоляк*, подполковник
по, подполковник государственной
ности *Васина*.

Сегодня, 23 апреля, в 21 час столичный филиал «Росгосстрах» проводит в холле областного вокзала 1-го класса встречу с толковиком 1-й Польской армии лейтенантом Польской армией Берлин, двенадцать артиллерийскими из двухсот двадцати чехословацких.

Вечная слава героям, павшим за
свободу и независимость нашей Ро-
дине! Смерть немецким захватчикам!

Верховного Главнокомандующего

Начальнику штаба фронта
Генералу армии ПЕТРОВУ

Одновременно на Дрезденском направлении поиски фронта с боями заняли города Дессау, Кирххайм, Фалькенбург, Штайнбург. Голландцы и вышлись на реку Эльбу севернее Дрездена.

[illegible]

(Окончание Приказа см. на 2-й стр.).

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе этой книги	3
Маневры, экзамен по лыжам	6
Озеро Кременкул	9
Взыскание за обоженных	17
Неудача при задержании «языка»	23
Случай на мосту	26
Генерал застрелил в упор шофера	27
Особое поручение	28
С ранеными из окружения	31
Мед.санбат	39
Ахмед вернулся с фронта... ..	42
Провал	47
«Папа, береги себя!»	51
Полк перед блокадой	56
Отравление	60
Девятое Мая – День Победы	64
В гостях у немки	68
Встреча трех братьев	72
Газета «Патриот Родины»	74

Ш.Г.Шаулов

ОСОБОЕ ПОРУЧЕНИЕ

(из архивных эпизодов ветерана)

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Книга издается в авторской редакции.

Все права принадлежат автору.

Отпечатано в типографии А.М.

Израиль 2002 год.

